циондиусом, обратил в своей монографии внимание П. Н. Берков. Он высказал предположение, что, выводя этот персонаж на сцену, драматург метил в кого-то из тогдашних галломанствовавших знатных дворян, в частности, возможно, в покровителя Ломоносова — П. И. Шувалова.[25] Но в свете рассмотренных выше обстоятельств, связанных с полемикой вокруг «Тресотиниуса», можно вновь предположить, что в образе распевающего французскую песенку петиметра содержится намек на Теплова. Петиметр покровительственно держится с педантом-критиком. Именно между этими двумя персонажами (VI явление I действия) протекает диалог, в ходе которого драматург высмеивает Тредиаковского, обыгрывая знакомые нам мотивы его критической статьи.

Дюлиж. Апропо! Русскую-то трагедию видел ли ты?
Критициондиус. Видел за грехи мои. И как ты, читая комедию, плакал, так я, видя эту трагедию, смеялся.
Дюлиж. Так и на тебя это бывает, что ты смеешься, видя то, что жалко.
Критициондиус. Да тут никакой жалости не было.
Дюлиж. Да разве Хорев-то комедия, а не трагедия? да полно, что может быть хорошо, что на русском языке писано!
Критициондиус. Это правда; однако немного полутче можно бы было написать. Кию подали стул, Бог знает на что, будто как бы он в таком был состоянии, что уж и стоять не мог. Отчего? Я не знаю. Стул назван седалищем, будто стулом назвать было нельзя, а ежели для того не названо стулом, что стул по немецки; так бы можно было сказать: подай скамью, или сказать: подай на чем сесть.
Дюлиж. А седалище то, разве худо сказано?
Критициондиус. Крайне худо.
Дюлиж. Чем же[
Критициондиус. Резона на это никакова нет, однако ж.
Дюлиж. Я бы думал, что лучше сказать: подай канапе.
Критициондиус. Да и то б не хуже было. Поэтам эта вольность дается, что нужды ради и чужое слово положить можно, а седалище слово из Славенщизны, даром что его и малые знают робята.

(с. 291—292)

Возвращаясь, как видим, вновь к подвергнутому критике со стороны Тредиаковского употреблению в «Хореве» слова «седалище», Сумароков не упускает возможности поиздеваться над стилем самого критика, заставляя Критициондиуса процитировать ранее использованное Тредиаковским в предисловии к роману «Езда в остров любви» слово «славенщизна».[26]

В следующем действии, в сцене, где Критициондиус добивается любви служанки Финетты, педант похваляется своими успехами на поприще критики. И его откровения прямо отсылают нас к содержанию вышеупомянутой статьи Тредиаковского. При этом

---

[25] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 34.

[26] Речь идет о той части предисловия «К читателю», где переводчик объясняет стилистические установки своего перевода: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь Славенщизны), что я оную (книгу. — *Ю. С.*) не Славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим» (Езда в остров любви. С. [X]).